

Русь XI–XII вв. и ее восточные соседи в международной политике раннего Средневековья

Аннотация: Рассматривается важная, но слабо освещенная в российской историографии проблема методов, которыми правители Древней Руси пользовались при заключении договоров со своими восточными соседями. В первую очередь речь идет о половцах и волжских булгарах, являющихся непосредственными соседями северо-восточных и юго-восточных княжеств в XI–XII вв. На примерах показано, что самым существенным из методов являлось освидетельствование дружественных соглашений заключением брачного союза между элитами сторон. Обосновывается версия, что сам термин «брак», переводимый как «единение» (от «birak» – «соединение», «сочетание»), взят из тюркского языка и что первоначально он означал княжеское супружество с представительницей именно кипчакского народа. Булгарские отношения со степью были довольно сложными, что подтверждается исследованиями историков Татарстана и археологическими материалами. При раскопках ханских усыпальниц в древней столице Волжской Булгарии обнаружены захоронения мордовских и марийских женщин, которые являлись женами болгарских сановников. Принимая за основу нормы гражданского права средневековой эпохи, можно с уверенностью констатировать, что стать женами представителей болгарской знати они могли только в результате заключения взаимовыгодных союзов. Русские летописи сохраняют известия о подобных союзных соглашениях между русскими и болгарскими элитами.

Ключевые слова: брак, супружество, половцы, средневековая элита, князь, Волго-Камская Булгария, Русь, Половецкая степь, русские летописи, семейное право.

Review: The article examines the significant, but little studied in Russian historiography problem of the methods used by the rulers of Old Rus' in concluding treaties with their Eastern neighbours. In the first place, this topic pertains to the Polovtsy and Volga-Bulgars, who were the immediate neighbours of the North-Eastern and South-Eastern principalities in the 11th–12th centuries. Based on examples, the author shows that the most basic method was the reinforcement of friendly pacts by the arrangement of marriage unions between the elites of both sides. The author substantiates the theory that the very term “marriage” (brak), translatable as “union” (from “birak” – “joining”, “combination”), is taken from the Turkish language and it originally referred to princely matrimony with a wife precisely from the Cuman people. The Bulgarian relations with the steppe were rather complicated, which is confirmed by scholars from Tatarstan and archaeological material. Upon the discovery of Khan burial vaults in the ancient capital of Volga-Bulgaria, Mordovian and Mari women were found buried there, wives of Bulgarian dignitaries. Based on the regulations of the civic laws of the Medieval era, it can be asserted with certitude that they could only have become the wives of Bulgarian elites through the conclusion of mutually advantageous unions. Russian chronicles recorded information of similar agreements between the Russian and Bulgarian elites.

Key words: Polovtsian steppe, Rus', Volga-Kama Bulgaria, prince, Medieval elite, Polovtsy, matrimony, marriage, Russian chronicles, family law.

Если судить по летописным данным, взаимоотношения Руси и Половецкой степи были очень сложными и трагичными практически с самого начала появления кипчаков в пределах русского пограничья. Отмечены многочисленные набеги половецких ханов, сражения, проходившие с переменным успехом, ответные походы русских князей, участие поло-

вецких контингентов в княжеских междуусобицах [12, 54–57; 15, 112–140; 17, 34–50].

Однако русско-половецкие отношения отмечены не только конфронтацией, но и взаимовыгодными договорами, непременно подтвержденными брачными союзами русских князей с кочевой аристократией. Та роль, которую эти союзы играли для мирного сосуществования и

становления мало-мальски взаимовыгодных отношений Руси со степью, имеет весьма важное значение для понимания процессов, проходивших в международной политике Восточной Европы в XI–XII вв. Сказанное полностью касается такого важного экономического и политического партнера Руси, как Волго-Камская Булгария, которой также пришлось в силу своего географического положения иметь наитеснейшие отношения с кипчаками [5, 10].

В российской историографии тема брачных союзов русской элиты с элитой восточных соседей освещена недостаточно полно. Впервые вопрос о значимости брачных союзов как неотъемлемой составляющей норм обычного права раннесредневековых народов был поставлен историком Д. И. Прозоровским. Он доказывал, что одна из этих норм закрепляла обязанность князя при заключении договора вступать в родственные отношения с новоиспеченными союзниками [18, 22]. Таким образом, многочисленность жен Владимира до принятия им христианства не факт его развращенности, как это пытались показать летописцы. Язычник Владимир брал жен после заключения межгосударственных договоров, и это являлось его приоритетной обязанностью. Вспомним, что подобным правом обладал хазарский каган, который был обязан жениться на дочерях предводителей подвластных ему племен. Правда, здесь проблема рассматривается в другой плоскости. Это не союз, а показатель подчинения [8, 31]. Однако, как мы знаем из летописей, Владимир имел также множество наложниц [19, 67]. По всей видимости, они и являются как раз дочерьми вождей подчинившихся киевскому князю племен, что косвенно укладывает в правовые нормы эпохи.

Среди историков XIX в. рассматриваемого вопроса, правда, весьма поверхностно, коснулся П. В. Голубовский. В данном контексте следует выделить одно его довольно интересное замечание, касающееся проблемы контактов половцев и волжских булгар. Голубовский предположил, что немалую роль в исламизации Половецкой степи сыграла именно Волжская Булгария [9, 227]. А если учесть общую закономерность возникновения ротнических (союзнических) связей, брачные союзы были закономерны и для половецко-булгарских, а не только для русско-половецких отношений. О ротничестве как системе сложения договорных отношений в указанный исторический

период довольно подробно писал советский историк В. Т. Пашуто [16, 213].

Советские историки, занимавшиеся вопросами международной политики Древней Руси, такие как В. Т. Пашуто, А. Н. Сахаров и А. П. Новосельцев, разбору этой проблематики практически не уделили внимания, что с горечью констатировал казахский писатель и историк Олжас Сулейменов. Он констатировал, что очень многие термины семейного права в русский язык вошли благодаря тюркскому влиянию, среди них и такие, которые сегодня воспринимаются как исконно русские. О. Сулейменов попытался доказать, что само слово «брак» (в значении «супружество») имеет половецкое происхождение, и сетовал на то, что, изучая отношения между Русью и Половецкой степью, исследователи больше выделяют конфронтационные моменты, при этом непростительно мало рассматривая мирные, искажая тем самым объективную картину русско-половецкой истории [22, 144].

Автор данного сообщения коснулся рассматриваемой проблемы на страницах монографии о дипломатии волжских булгар [4, 44–50], в статьях, посвященных нормам обычного права при заключении международных политических соглашений в раннем Средневековье [3, 51–55; 5, 9–12]. Но эти публикации не закрыли вопрос.

Практика юридического оформления политических договоров в X–XII вв. повсеместно имела одно и то же содержание. Во многом это связано со спецификой средневековой эпохи, психологией, этносознанием и нравами, господствовавшими в обществе. По нормам обычного права всех без исключения народов начала второго тысячелетия нашей эры самым существенным при заключении межплеменных и межгосударственных соглашений считался брачный союз представителей элиты договаривавшихся сторон. Раннее Средневековье изобилует примерами закрепления договора брачным соглашением, которое должно было подтвердить его незыблемость. С. Д. Сказкин в своем исследовании по дипломатии Византии показывает это на многочисленных примерах [21, 4–5].

Попытаемся разобраться, откуда все-таки пришло в русский язык слово «брак». Если мы обратимся к словарям, то прочитаем примерно следующее: «Брак – семейный союз мужчины и женщины, порождающий их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям». Согласно Брокгаузу и Ефрону «брак – термин <...> обозначающий продолжительный союз лиц раз-

ных полов с целью осуществления физических и нравственных требований человеческой природы, служащий основной формой всех прочих семейных союзов, являющихся его последствием» [28, 599].

В то же время следует помнить, что понятие это имеет и другое значение. В переводе с немецкого языка «брак» – это товар, оказавшийся негодным или порченным. Одно слово, но какой разный смысл в него вкладывается!.. Думается, что в значении семейного союза оно не могло попасть в русский язык с Запада. Но в современной русской, в основном ориентированной на Запад, культуре оно приобрело какое-то довольно разрушающее значение, что и отразилось в поговорках, типа: «Хорошее дело браком не назвали бы». Здесь четко проявляется отношение к понятию, причем отрицательное. Поэтому остро встает вопрос о его происхождении в том значении, которое для нас является естественным и привычным, хотя и вызывает в народной среде некий скепсис, суть которого – напластование смыслов.

О происхождении понятия энциклопедии практически ничего не сообщают. Согласно «Русской энциклопедии» брак предположительно берет начало от слова «братъ» [20]. В этом есть определенный смысл, так как практически во всех культурах девушка именно забирается в семью мужа путем сговора, выкупа, умыкания или какими-либо другими способами – в зависимости от традиций и обычаев. Поэтому можно сказать, что точка зрения, считающая смыслом брака переход невесты в забравшую ее семью, вполне аргументирована.

Однако у понятия «брак» более глубокий смысл, в древнерусской культуре выходящий за рамки народной среды и связанный в большей степени с миром властвующей элиты. По мнению ученых, занимающихся проблемой взаимодействия Руси с Востоком, очень многие термины семейного права в русский язык вошли благодаря тюркскому влиянию, среди них и такие, которые сегодня воспринимаются как исконно русские, в том числе и «брак».

Понятие «брак», обозначающее вступление в супружество, происходит от кипчакского «*birak*» – «союз» (буквально: «соединение», «сочетание» от числительного «*bir*» – «один») [22, 146]. О. Сулейменов убежденно считает, что раз термин не стал народным, то это как раз и свидетельствует в пользу версии о его применении среди элиты [22, 146]. На Руси только княже-

ские супружества считались браком, ибо лишь они выражали идею объединения, политического союза, причем с представительницами кипчак-половцев.

Постепенно, когда политические контакты со степью начали утрачивать первоначальное значение союза, смысл его изменяется. Все меньше князей ездит в степь за невестами, и таким образом забывается первое значение термина «брак» – «женижба князя на дочери хана с целью установления тесных политических отношений» [22, 149]. Уже любая свадьба (правда, пока еще в высшем боярском сословии) называется браком. И остается в конце концов упрощенный смысл – вступление в супружество, – который очень сложно и неоднозначно приживался в народной среде.

Взаимодействие с кипчакской степью было более активным, чем это можно предположить, исходя из некоторых исследований, благодаря которым сложилось довольно одностороннее впечатление: ничего хорошего, кроме войн и конфликтов, между русскими княжествами и степью не было. Здесь необходимо иметь в виду тот факт, что в истории русско-половецких отношений можно выделить четыре периода.

Первый период (середина XI – начало XII вв.) характеризовался активной наступательной политикой половцев. В это время они совершают многочисленные грабительские походы на русские земли – как правило, удачные. Победоносные походы Владимира Мономаха против половцев положили конец этому периоду.

Второй период (20–60-е гг. XII в.) ознаменовался окончанием процесса освоения половцами южнорусских земель. Если в первый период им была присуща таборная система кочевания, характерная отсутствием у кочевников постоянных вежей, то в первой половине XII в. половцы уже занимают определенные территории, на которых находятся их постоянные селища. В это время половцы принимают активное участие в междоусобных войнах русских князей.

Третий период – вторая половина XII в. – характерен быстрым сближением русских и половцев. Половцы играют постоянную активную роль в политике русских княжеств, русские и половцы предпринимают совместные грабительские набеги, союзнические походы. Путем заключения многочисленных браков устанавливаются родственные связи между русскими князьями и половецкими ханами. Враждебные столкновения, подобные походу Игоря Свято-

славича Новгород-Северского в 1185 г., носят эпизодический характер.

С конца XII в. начинается последний, четвертый, период русско-половецких отношений, закончившийся с приходом монголо-татар в кипчакские степи и разгромом русских княжеств в конце 30-х – начале 40-х гг. XIII в. Его отличительной особенностью является почти полное отсутствие военных действий между русскими и половцами. В этот период половцы продолжали активно участвовать в княжеских конфликтах на Руси. Еще более частыми становятся брачные союзы между русскими и половецкими знатными родами.

Практика взаимодействия с половецкими ханами показала русским князьям, что мирные договоры с кочевниками – средство краткосрочное и не дающее перспективы стабильных отношений. Единственными связями, святость которых для кипчаков была неоспоримой, являлись родственные связи. Ханы, породнившиеся с русскими князьями, не только прекращали набеги на их территории, но и обороняли их от других половецких племен. Кроме этого, князья очень часто использовали новых родственников в спорах друг с другом, натравливая половцев на территории соседей.

Приведем лишь несколько примеров политических союзов с половецкими ханами, которые были освящены узами брака. Одним из первых русских князей, положивших начало подобной практике, был сын Ярослава Мудрого Всеволод Ярославич, второй женой которого (после смерти греческой принцессы Анны) стала половецкая княжна. Внук Ярослава Мудрого, Святополк Изяславич, женился на дочери могучего половецкого властителя, чье имя отразилось в русском народном эпосе, хана Тугоркана. Другой внук Ярослава Мудрого, Андрей Всеволодович, женился на внучке Тугоркана. Тестем Юрия Владимировича Долгорукого являлся половецкий хан Аепа, матушка Андрея Боголюбского – половчанка и т. д. [19, 154, 216, 259, 417].

Половецкие ханы также часто брали в жены княжеских и боярских дочерей. В летописях неоднократно упоминается хан Кончак, женатый на дочери киевского князя. Отпрыск половецкого хана и русской княжны Юрий Кончакович, которого величают сыном двух народов, был православным и сыграл немалую роль в налаживании добрососедских отношений между половцами и русскими.

История отношений половцев и волжских булгар не менее показательна. В ней можно уви-

деть как трагические эпизоды, так, несомненно, и примеры политических контактов, которые для булгар были более чем необходимы. Связано это с тем, что половцы, занимая территории по Нижней Волге, могли полностью перекрыть торговый путь, который для экономики Волжской Булгарии являлся жизненно необходимым. Этот путь, известный в истории как Великий Волжский путь, объединял торговые интересы народов Прикаспия и Северного Кавказа с интересами народов не только Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, но и Северной Европы. Волжская Булгария, находясь как раз на середине торговой магистрали, получала огромные дивиденды, участвуя в этой транзитной торговле. Привлечение в сферу влияния болгарской политики половецких союзников отвечало ее экономическим и политическим интересам. Половецкие захоронения, обнаруженные в непосредственной близости от южных границ Булгарии у Самарской Луки, их погребальный инвентарь могут свидетельствовать о довольно тесных контактах между булгарами и половцами [10, 264]. К сожалению, собственно болгарские письменные источники не сохранились, а данные так называемой Булгарской летописи («Джагфар Тарихы») не признаются большинством современных историков [7, 164–170]. Все же мы склонны считать, что брачный союз как один из важнейших постулатов при складывании союзов имел место и в булгаро-половецких отношениях.

На это указывает также фактор, косвенно доказывающий изложенную выше мысль. Существует довольно много примеров, показывающих, что булгары также использовали брачные союзы как одно из основных подтверждений значимости заключаемого договора. Из записок Ахмеда ибн-Фадлана, посетившего в 922 г. Волжскую Булгарию в составе посольства халифа ал-Муктадира, мы узнаем, что болгарский царь Алмас был зятем гузского военачальника Этрека [13, 204]. Гузы мусульманских географов – это торки русских летописей, принимавшие участие в походе киевского князя Владимира Святославича на булгар в 985 г. [6, 49]. Как видим, прошло чуть больше полувека, а отношения между булгарами и гузами полностью переменились. Хотя вполне реально и то, что речь идет о совершенно разных родовых группах кочевников, тем более что, как было указано выше, союз с ними – дело очень непрочное, если родственные контакты потерялись или каким-то образом нарушены.

Союзнические отношения были заключены также с какой-то группой мадьяр, проживавших где-то на территории Волго-Камского междуречья, после того как отсюда ушла основная орда угров-венгров [11, 115]. Когда доминиканский монах Юлиан, проделав опасный и титанический путь в поисках прародины венгров, прибыл в один из городов Волжской Булгарии, он встретил здесь венгерку, «которая выдана была замуж в те края из страны, которую он искал» [1, 81].

В 1950 г. при археологических исследованиях подгорной части города Булгара было обнаружено погребение знатной мордовки, совершенное по мордовскому обряду и содержавшее мордовские украшения [24, 154]. Не вызывает сомнения, что, судя по захоронению, женщина некогда принадлежала к городской элите, и жила она в столице Волжской Булгарии в статусе жены знатного болгарина. Это неопровержимо подтверждает существование союза болгар с определенной группой мордовских племен. Летописи рассказывают о борьбе русских князей с мордовским князем («инязором») Пургасом, который был ротником (союзником) волжских болгар. Нельзя исключать, что мордовская женщина была символом заключенных между булгарами и «Русью Пургасовой» союзнических отношений.

Изучение эпитафий надгробных памятников болгарских захоронений также дает важные сведения для выявления рассматриваемой проблемы. Так, надпись на одном из надгробий некрополя города Булгара удостоверяет, что под ним была погребена дочь Османа Булгарского и знатной марийки, носившей имя Чекер [23, 94]. Как видим, в сферу влияния болгарской внешней политики входили не только кочевые тюркские народы, но и поволжские финны.

Русско-болгарские социально-политические отношения не являются исключением из правил и также отмечены хоть и немногочисленными, но довольно характерными известиями о брачных связях элит. После похода киевского князя Владимира Святославича на волжских болгар в 985 г. был заключен «вечный мир». «И реша болгаре, – отмечает летописец, – толи не буди мира межи нами, оли же камень начнет плавати, а хмель почнеть тонути» [19, 71]. Исследователи приходят к мнению, что договор, как того требовало обычное право, был подтвержден женитьбой Владимира на болгарской княжне. Историк конца XVIII в. князь М. М. Щербатов

пишет, что сыновья Владимира Борис и Глеб родились от болгарки. Правда, Щербатов считал, что в 985 г. Владимир воевал с дунайскими булгарами, и, следовательно, его женой, пятой по счету, стала болгарка не с Волги, то есть мусульманка, а с Дуная – православная [27, 251]. Однако советский ученый Б. Д. Греков очень веско доказал, что речь идет именно о волжских булгарах, а не о дунайских. Так, он пишет: «С достаточной убедительностью можно утверждать, что это были болгары камско-волжские, потому что в походе вместе с Владимиром участвуют торки, которых в это время нельзя представить себе живущими около Дуная. <...> Наконец, вероятно, чтобы Владимир, будучи в это время врагом Византии, стал бы помогать ей громить дунайских болгар» [2, 471].

Уже на следующий год (а это подтверждается летописными источниками) в Киев прибывают болгарские послы и купцы, которые, по мнению А. Х. Халикова, доставили в Киев княжескую невесту [25, 75]. Подписывается обширный договор о торговле, и вскоре устанавливается сухопутный торговый путь Булгар–Киев. Немецкий историк Л. Мюллер убежден, что матерью Бориса и Глеба была волжская болгарка [26, 69]. Смерть Владимира Святославича застаёт одного из них князем Муромским, другого – Ростовским, то есть в непосредственной близости от границ Волжской Булгарии. Являясь детьми двух народов, княжичи вполне могли быть направлены отцом в города, находившиеся на порубежье с родиной матери, что, как представляется, согласуется с нормами дипломатической практики той эпохи [4, 48].

Все отмеченное выше – показатель вполне закономерных процессов, протекавших в период раннего Средневековья в отношениях между оседлыми и кочевыми народами. Вывод из всего изложенного следует определенный и объективный. Практика брачных союзов имела ключевое значение во внешней политике Руси при заключении политических соглашений не только с кочевниками-половцами, но и с земледельцами-булгарами. Брак в рассматриваемую эпоху – это союз между представителями элит договаривавшихся сторон. Имея тюркское происхождение, этот термин первоначально использовался для обозначения супружеских отношений между князьями и ханами, потом он становится более распространенным и ближе к нашему времени принимает свое современное значение.

Библиография:

1. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров в XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторические архивы. 1940. № 3. С. 71–112.
2. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 568 с.
3. Гагин И. А. Нормы обычного права при заключении международных политических договоров в период раннего Средневековья // Вестник Академии права и управления. 2001. № 1. С. 51–55.
4. Гагин И. А. Волжская Булгария: очерки истории средневековой дипломатии (X – первая треть XIII вв.) / Под ред. Р. Х. Бариева. Рязань: Рязанский областной институт развития образования; СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. 236 с.
5. Гагин И. А. Русь, Булгария и Половецкая степь (о значении брачных союзов при заключении политических договоров в эпоху раннего Средневековья) // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. XI. № 6 (32). С. 7–12.
6. Гагин И. А. В. Н. Татищев и российская историография о походе князя Владимира на болгар в 985 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Серия 2. История. Вып. 1. С. 45–52.
7. Гагин И. А. Идеи болгаризма и свод «Джагфар Тарихы» в российской и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 164–170.
8. Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1874. 172 с.
9. Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История древнерусских степей в IX–XIII вв. Киев: Университетская типография И. И. Завадского, 1884. 254 с.
10. Древние культуры и этносы Самарского Поволжья / Под ред. М. А. Турецкого. Самара: ФГУП издательство «Самарский дом печати», 2007. 265 с.
11. Иванов В. А. О западных пределах расселения древних тюрков // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. 215 с.
12. Князький И. О. Русь и степь. М.: Российский научный фонд, 1996. 132 с.
13. Ковалевский А. П. Посольство халифа к царю волжских болгар // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 189–214.
14. Ковалевский А. П. Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии / Отв. ред. Б. А. Шумейко. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1956. 343 с.
15. Кудряшов К. В. Половецкая степь: Очерки исторической географии. М.: ОГИЗ – Государственное издательство географической литературы, 1948. 170 с.
16. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 474 с.
17. Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.
18. Прозоровский М. Н. О родстве Святого Владимира по матери // Записки Императорской академии наук. СПб., 1864. Т. 5. Кн. 1. С. 17–26.
19. ПСРЛ. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. 638 с.
20. Русская энциклопедия // [Электронный ресурс] – URL: http://www.traditio-gu.org/wiki/Брачный_союз (дата обращения: 01.12.2014)
21. Сказкин С. Д. История международных отношений и дипломатия в Средние века (стенограмма лекций). М., 1945. 27 с.
22. Сулейменов Олжас. Аз и Я. Книга благонамеренного чтения. Алма-Ата: Жазушы, 1975. 304 с.
23. Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. М.: Наука, 1978. 184 с.
24. Халиков А. Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии // Этногенез мордовского народа. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1965. С. 152–167.
25. Халиков А. Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и экономических связей в X–XIII вв.). Казань: Татарское книжное издательство, 1996. 189 с.
26. Членов А. М. Из истории ранних русско-болгарских политических связей // Из истории ранних болгар. Казань: Татарское книжное издательство, 1981. С. 69–82.
27. Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. Т. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1794. 398 с.
28. Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 8 (IVa). СПб.: Типолитография Ф. А. Брокгауза, 1891. 940 с.

References (transliterated):

1. Anninskii S. A. Izvestiya vengerskikh missionerov v XIII–XIV vv. o tatarakh v Vostochnoi Evrope // Istoricheskie arkhivy. 1940. № 3. S. 71–112.
2. Grekov B. D. Kievskaya Rus'. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1953. 568 s.
3. Gagin I. A. Normy obychnogo prava pri zaklyuchenii mezhdunarodnykh politicheskikh dogovorov v period rannego Srednevekov'ya // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2001. № 1. S. 51–55.
4. Gagin I. A. Volzhskaya Bulgariya: ocherki istorii srednevekovoi diplomatii (X – pervaya tret' XIII vv.) / Pod red. R. Kh. Barieva. Ryazan': Ryazanskii oblastnoi institut razvitiya obrazovaniya; SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2004. 236 s.
5. Gagin I. A. Rus', Bulgariya i Polovetskaya step' (o znachenii brachnykh soyuzov pri zaklyuchenii politicheskikh dogovorov v epokhu rannego Srednevekov'ya) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2009. T. XI. № 6 (32). S. 7–12.
6. Gagin I. A. V. N. Tatishchev i rossiiskaya istoriografiya o pokhode knyazya Vladimira na bolgar v 985 g. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2009. Seriya 2. Istoriya. Vyp. 1. S. 45–52.

7. Gagin I. A. Idei bulgarizma i svod «Dzhagfar Tarikhy» v rossiiskoi i zarubezhnoi istoriografii // Voprosy istorii. 2011. № 4. S. 164–170.
8. Garkavi A. Ya. Skazaniya evreiskikh pisatelei o khazarakh i Khazarском tsarstve. Vyp. 1. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1874. 172 s.
9. Golubovskii P. V. Pechenegi, torki i polovtsy do nashestviya tatar. Istoriya drevnerusskikh stepei v IX–XIII vv. Kiev: Universitetskaya tipografiya I. I. Zavadskego, 1884. 254 s.
10. Drevnie kul'tury i etnosy Samarskogo Povolzh'ya / Pod red. M. A. Turetskogo. Samara: FGUP izdatel'stvo «Samarskii dom pechatii», 2007. 265 s.
11. Ivanov V. A. O zapadnykh predelakh rasseleniya drevnikh tyurok // Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii. Omsk, 1984. 215 s.
12. Knyaz'kii I. O. Rus' i step'. M.: Rossiiskii nauchnyi fond, 1996. 132 s.
13. Kovalevskii A. P. Posol'stvo khalifa k tsaryu volzhskikh bulgar // Istoricheskie zapiski. 1951. T. 37. S. 189–214.
14. Kovalevskii A. P. Puteshestvie Akhmeda ibn-Fadlana na Volgu v 921–922 gg.: Stat'i, perevody i kommentarii / Otv. red. B. A. Shumeiko. Khar'kov: Izdatel'stvo Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1956. 343 s.
15. Kudryashov K. V. Polovetskaya step': Ocherki istoricheskoi geografii. M.: OGIZ – Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1948. 170 s.
16. Pashuto V. T. Vneshnyaya politika Drevnei Rusi. M.: Nauka, 1968. 474 s.
17. Pletneva S. A. Polovtsy. M.: Nauka, 1990. 208 s.
18. Prozorovskii M. N. O rodstve Svyatogo Vladimira po materi // Zapiski Imperatorskoi akademii nauk. SPb., 1864. T. 5. Kn. 1. S. 17–26.
19. PSRL. T. II. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1998. 638 s.
20. Russkaya entsiklopediya // [Elektronnyi resurs] – URL: http://www.traditio-ru.org/wiki/Brachnyi_soyuz (data obrashcheniya: 01.12.2014)
21. Skazkin S. D. Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i diplomatiya v Srednie veka (stenogramma lektcii). M., 1945. 27 s.
22. Suleimenov Olzhas. Az i Ya. Kniga blagonamerennogo chteniya. Alma-Ata: Zhazushy, 1975. 304 s.
23. Khakimzyanov F. S. Yazyk epitafii volzhskikh bulgar. M.: Nauka, 1978. 184 s.
24. Khalikov A. Kh. Mordovskie i bolgarno-tatarskie vzaimootnosheniya po dannym arkheologii // Etnogenez mordovskogo naroda. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. S. 152–167.
25. Khalikov A. Kh. Volzhskaya Bulgariya i Rus' (etapy politicheskikh i ekonomicheskikh svyazei v X–XIII vv.). Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1996. 189 s.
26. Chlenov A. M. Iz istorii rannikh russko-bulgarskikh politicheskikh svyazei // Iz istorii rannikh bulgar. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. S. 69–82.
27. Shcherbatov M. M. Istoriya rossiiskaya ot drevneishikh vremen. T. 1. SPb.: Imperatorskaya akademiya nauk, 1794. 398 s.
28. Entsiklopedicheskii slovar' / Pod red. prof. I. E. Andreevskogo. Izdateli: F. A. Brokgauz, I. A. Efron. T. 8 (IVa). SPb.: Tipolitografiya F. A. Brokgauza, 1891. 940 s.